Глава 40. Прозрение

Сян Тянью внимательно наблюдал за происходящим. Судя по его собственным прикидкам и словам дородной хозяйки, уровень совершенствования участников торгов колебался между стадиями Сулин и Шуньси. Стартовая цена в восемьдесят средних камней юань казалась слегка завышенной: если повезет с выбором — траты оправданы, но в случае ошибки можно было не просто прогореть, а буквально остаться ни с чем.

Закончив объяснения, красавица-хозяйка звонко хлопнула в ладоши. Трое слуг-кюэйгунов тут же распахнули двери комнат. Из темноты вылетели длинные шелковые ленты, плавно развернувшись в воздухе, и по ним на возвышение выпорхнули три девы. Едва коснувшись помоста, они закружились в танце, то и дело меняясь местами, чтобы каждый гость мог рассмотреть их во всех подробностях.

Все трое были необычайно хороши, и каждая — по-своему. Дева в алом манила полуобнаженной грудью и стройными бедрами, мелькавшими в разрезах платья. Ее пышные формы будоражили воображение, а природное кокетство, лишенное вульгарности, сквозило в каждом жесте; в ее улыбке читалось нечто лукавое и озорное, что редко встретишь в подобных местах. Вторая, в белоснежных одеждах, была самой высокой: тонкая талия, которую, казалось, можно обхватить ладонью, длинные ноги и холодный, отстраненный взгляд. Она напоминала белого журавля, замершего посреди пруда перед взмахом крыльев.

Последняя была облачена в пестрые сине-зеленые шелка. Ее босые ноги едва касались пола в прыжке, приковывая к себе взгляды, а лицо украшали причудливые узоры, нанесенные цветной тушью. В ней чувствовалась дикая, необузданная красота. Закружившись в очередном вихре, она внезапно встретилась взглядом со Сян Тянью. Она почувствовала, как сердце пропустило удар, а кровь в жилах вскипела, словно в лихорадке. Ошеломленная внезапным порывом, она на мгновение сбилась с ритма и ошиблась в танце.

Чи Шэнь, следивший за каждым движением спутника, заметил и эту заминку, и то, как девушка с трудом вернулась в такт музыке. Его охватило дурное предчувствие.

Когда дева зашла на второй круг, в ее глазах промелькнула едва скрытая мольба, которая мгновенно сменилась заученной улыбкой, стоило ей повернуться к соседнему столику. Сердце Чи Шэня забилось где-то в горле. Он поспешно отхлебнул воды, украдкой поглядывая на Сян Тянью, и похолодел: в глазах брата светилось изумление, смешанное с явной радостью. Надежда Чи Шэня рухнула в бездну.

Танец закончился, и начались торги. Первой выставили деву в красном, затем в белом. Чи Шэню не было до них дела, но когда пришла очередь красавицы в сине-зеленом, Сян Тянью, как он и опасался, поднял табличку.

— Брат, это слишком рискованно, — Чи Шэнь почувствовал на языке горечь. — Давай не будем, а?

— Шанс один к трем, — не оборачиваясь, ответил Сян Тянью. — Удача на моей стороне. Если я выиграл в винном споре, чего мне бояться здесь?

— Но это совсем другое! — Чи Шэнь лихорадочно искал аргументы. — Если бы нам позволили проверить их пульс, я бы, возможно, что-то заметил. Но эта старуха-хозяйка заставляет нас смотреть издалека! Мы почти ничего о них не знаем!

— Сто шестьдесят камней, — бросил Сян Тянью и лишь тогда обернулся с легкой улыбкой. — Ты так и не понял истинного смысла игры. Если ты выбираешь, будучи уверенным в результате, — это не ставка. Это расчет.

Чи Шэнь вскипел.

— Ну и выберешь ты ее, и что дальше?! — сорвался он на повышенный тон. — Ты действительно собираешься лечь в постель с незнакомкой, купленной за горсть камней?

— Она здесь не по моему принуждению, — парировал Сян Тянью. — Так почему бы и нет?

— Хорошо… — Чи Шэнь побледнел.

Он залпом заглотил вино, закашлялся от резкости и невольно прижал руку к груди. Пальцы наткнулись на подвеску в виде лотоса, которую он всегда носил с собой. В носу защипало, а глаза подозрительно заблестели. «Проклятье, почему я сейчас не Ван Сяобао? — пронеслось в голове. — Будь я в своем истинном облике, я бы запретил ему это как близкий родственник, и он бы прислушался. А голос названого брата для него, видимо, ничего не значит. Совсем стыд потерял».

Видя, что Сян Тянью поглощен торгами и почти не обращает на него внимания, Чи Шэнь почувствовал жгучую обиду. На миг ему захотелось сорвать подвеску и швырнуть ее на стол прямо перед братом — неужели даже это не заставит его очнуться и бросить эту затею?

Пока он колебался, цена на девушку в синем взлетела до двухсот сорока средних камней. Для практика ниже стадии Унэн это были огромные деньги — за первых двух девиц отдали примерно столько же.

Соперников осталось всего двое. Сян Тянью, явно теряя терпение, веско произнес:

— Триста камней.

Конкуренты помедлили и опустили таблички. Хозяйка расплылась в довольной улыбке:

— Какой статный гость! И какая щедрость! Повезло же нашей малышке Лань!

Чи Шэнь чувствовал себя так, словно его заживо поджаривали на костре. Больше он не мог этого выносить. Вскочив со своего места, он, не проронив ни слова, ударом ноги распахнул дверь и вылетел из комнаты. Стоявший в коридоре слуга-кюэйгун едва не подпрыгнул от неожиданности. «Батюшки, — подумал он, — а у молодого господина-то нрав крутой!»

— Юный друг Юнь явно не в духе, — заметила Мэй Цунхань, наблюдавшая за сценой. — Не хочешь догнать его и успокоить?

Сян Тянью пригубил вина. Лицо его оставалось бесстрастным, трудно было понять, о чем он думает.

— Сам не знаю, на что он взъелся, — отозвался он холодновато. — Молод еще, кровь играет. Раз уж я заплатил за девушку, у меня нет времени бегать за ним и уговаривать. Но он вряд ли уйдет далеко. Место здесь неспокойное, а с его-то внешностью… Будь добра, присмотри за ним, чтобы не влип в историю.

Фея Мэй поднялась, и в ее голосе прозвучало нескрываемое раздражение.

— Я пойду за ним, — отрезала она. — Но не ради тебя. Мне просто жаль глупого мальчишку, который связался с коварным лисом и даже не понимает, что им вертят как хотят.

Как и предсказывал Сян Тянью, Чи Шэнь, в порыве гнева выбежав из заведения, замер у порога в полной растерянности. Он просто не знал, куда идти. Когда Мэй Цунхань догнала его, он стоял посреди людского потока с совершенно отсутствующим видом.

Они отошли в тенистый переулок рядом с башней Дэнсянь. Фея спросила о его планах, и Чи Шэнь, все еще кипя от негодования, выдавил:

— Триста камней… выбросил на какую-то девку и глазом не моргнул. Раз он так этого жаждет — я умываю руки. Насильно мил не будешь, да и слушать он меня не желает.

Мэй Цунхань усмехнулась:

— И то верно. Даже родители с детьми ссорятся из-за их пассий, а уж братья и подавно становятся врагами. Сян Тянью сейчас ослеплен красотой, к чему лить холодную воду на его пыл? Подожди, пока он споткнется и поймет, как это больно. Вот тогда твоя помощь будет кстати, глядишь, и спасибо скажет.

Чи Шэнь надеялся, что Фея Мэй начнет его уговаривать вернуться, чтобы у него был предлог еще раз попытаться вразумить брата. Но услышав такие слова, он вдруг разволновался.

— Помочь можно и сейчас! — воскликнул он, и в глазах его вспыхнул огонек. — Я ведь лекарь, практик стихии дерева. Если я первым проверю тело этой девицы, мы узнаем, нет ли в ней

подвоха, и беды удастся избежать.

Он уже собрался бежать обратно, но Мэй Цунхань преградила ему путь.

— А что, если она и впрямь окажется тем самым «сосудом» с врожденной аурой страсти? — жестко спросила она.

Чи Шэня будто громом поразило. Он застыл на месте, губы его пересохли, а слова застряли в горле. Фея Мэй вздохнула, глядя на него с сочувствием и горечью.

— Ты так убиваешься только потому, что боишься за его совершенствование? Или потому, что он разочаровал тебя своей слабостью перед женскими чарами? Перестань лгать самому себе!

Чи Шэнь часто заморгал. Вид у него был одновременно нелепый и жалкий. Спустя долгую минуту он отвел взгляд и горько усмехнулся:

— Неужели… неужели я люблю его?

Сказав это, он закрыл глаза ладонью.

— Какой же я дурак. Я ведь действительно люблю брата, а понял это только сейчас.

Мэй Цунхань покачала головой:

— Знаю я, что вы знакомы недавно, но чтобы так… Любовь — опасная штука, скольких она сгубила.

«Я знаю брата гораздо дольше, чем ты думаешь, — подумал Чи Шэнь. — А вот когда именно дружба превратилась в это чувство — я и сам не заметил».

— И что ты теперь намерен делать? — прервала его мысли Фея.

— Если я признаюсь сейчас, он не поймет. Только разрушу нашу дружбу, которую так долго восстанавливал. Но я не могу позволить ему погубить свое развитие. Если эта женщина и впрямь «сосуд»… Я… я просто дождусь его у дверей комнаты. Но на душе теперь всегда будет горько.

Мэй Цунхань театрально вздохнула.

— Я десятилетиями изучаю путь дерева под началом Матушки-Земли. У меня свои методы видеть людей: у лжецов взгляд мутный, у убийц аура тяжелая и темная. Твое дыхание чистое,

потому я и позволила тебе сблизиться с собой. Послушай моего совета.

Чи Шэнь заставил себя сосредоточиться:

— Слушаю вас, Фея.

— Вы знакомы недавно, и ты, судя по всему, знаешь его хуже, чем я. Сян Тянью наделен редким даром и красотой. Поверь, за ним толпами ходят и женщины, и мужчины, среди которых есть и истинные красавицы, и гении совершенствования. Но я никогда не видела, чтобы он подпускал кого-то близко. И если ты думаешь, что такой человек, как он, опустится до уровня похотливых скотов, ищущих легких путей через энергетическую подпитку, — значит, ты слишком плохо о нем думаешь. Друзья в такое не верят!

Эти слова подействовали на Чи Шэня как ушат ледяной воды. Стыд и раскаяние захлестнули его. Он ведь знал Сян Тянью не пару недель — они провели бок о бок шесть лет на Континенте Сокровенного Истока. Просто здесь, на Континенте Высшего Истока, Сян Тянью обошел его на десять лет развития, и этот разрыв породил в Чи Шэне неуверенность, заставив прятать чувства глубоко внутри.

Осознав свою ошибку, Чи Шэнь низко поклонился:

— Благодарю вас, Фея Мэй. Я ваш должник. А теперь мне нужно к брату!

Как только он скрылся за поворотом, Мэй Цунхань поправила маску и тихо рассмеялась:

— Не будь ты любимчиком Матушки-Земли, и слова бы от меня не дождался.

Вбежав на третий этаж, Чи Шэнь нос к носу столкнулся с тем самым слугой-кюэйгуном.

— Где комната той последней девушки и ее господина?! — выдохнул он, хватая того за плечо.

Слуга попытался увильнуть:

— Молодой господин, госпожу Лань и почтенного бессмертного увела сама хозяйка. Что там дальше было — видит бог, не знаю!

Но Чи Шэнь уже пришел в себя, и провести его было не так просто. Он выхватил пять камней юань и вложил их в руку слуги.

— Не бойся, я не собираюсь скандалить. Просто укажи дорогу. Тебя никто не упрекнет.

Глаза слуги алчно блеснули — пять камней были для него целым состоянием. Он тут же расплылся в улыбке и втолкнул Чи Шэня в пустую боковую комнату.

— Вон те три двери с красным шелком и цветными фонарями. Ваш знакомый в самой левой. Идите через внутреннюю галерею, так быстрее будет.

Чи Шэнь даже не закрыл за собой дверь. Он мчался по коридору, боясь опоздать хоть на секунду. Добежав до нужной двери, он толкнул ее, но та не поддалась — стоял мощный барьер. Чи Шэнь принялся отчаянно колотить в дверь.

Сян Тянью почуял его еще в тот момент, когда тот замер перед входом. Сначала он решил, что это кто-то из прислуги, но, поняв, что это Чи Шэнь, тут же снял запрет.

Чи Шэнь ворвался внутрь. Сян Тянью был одет и выглядел совершенно спокойным, и Чи Шэнь уже готов был облегченно вздохнуть, как вдруг заметил брошенное у кровати голубое платье. Сквозь полупрозрачный полог виднелась фигура девушки: одежда на ней была в беспорядке, плечи обнажены, а лицо смертельно бледно.

Гнев и ужас отразились на лице Чи Шэня так явно, что Сян Тянью помрачнел. Он резко притянул брата в комнату и восстановил барьер.

Чи Шэнь, вырвавшись, бросился к кровати и прижал пальцы к запястью девушки. Пульс был прерывистым, энергия в теле хаотично металась, а жизненные силы были на исходе. Все признаки указывали на одно — ее только что «опустошили».

http://bllate.org/book/17417/1663402